

УДК 111

Е.Н. Суханова

СТРОСОНОВСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ «НЕПРОСТРАНСТВЕННОГО МИРА» КАК ПРИМЕР ИСПРАВЛЯЮЩЕЙ МЕТАФИЗИКИ*

Реконструируется один из аргументов П.Ф. Стросона в защиту предложенной им картины нашего мышления и языка. Считая, что подлинное философское исследование «нашей концептуальной схемы» должно носить дескриптивный характер, Стросон оставляет исправляющей метафизике вспомогательную роль. Какова эта роль, можно увидеть на примере мысленного эксперимента (модели Непространственного мира), к которому прибегает Стросон.

Ключевые слова: П.Ф. Стросон, исправляющая метафизика, «наша» концептуальная схема, пространственно-временной каркас референции, тождественность партикулярий, Непространственный мир, звуковые партикулярии.

В своей программной работе «Индивиды» [1] оксфордский философ-аналитик Питер Ф. Стросон (1919–2006) проводит различие между двумя видами философского исследования: описывающей (descriptive) и исправляющей (revisionary) метафизикой. «Метафизика часто была исправляющей и реже – описывающей. Описывающая метафизика довольствуется описанием фактической структуры нашего мышления о мире, исправляющая метафизика занята созданием лучшей структуры. Достижения исправляющей метафизики всегда интересны, и не только в качестве ключевых эпизодов в истории мысли. Благодаря четкости и глубине пристрастного взгляда, лучшие из них восхитительны сами по себе и обладают непреходящей философской полезностью. Однако приписать им это последнее достоинство можно лишь вследствие существования другого вида метафизики, которая совсем не нуждается в оправдании помимо оправдания исследования вообще. Исправляющая метафизика состоит на службе у метафизики описывающей» [1. С. 9].

Самого Стросона, естественно, больше интересует дескриптивное исследование. Через анализ условий идентификации объектов философ приходит к необходимости наличия единого формата референции, обеспечить унитарность которого способны только пространственно-временные отношения единичностей. Все другие варианты отношений отвергаются либо за локальностью характера, либо за неудовлетворением требований наглядности и публичности. В результате выделяются два несводимых друг к другу класса партикулярий: материальные объекты и личности. Удаление базовых партикулярий, по мнению Стросона, влечет разрушение системы референции к

* Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ (грант НШ-5887.2008.6 на поддержку ведущей научной школы «Томская онтологическая школа») и в рамках государственного контракта на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.1, проект «Онтология в современной философии языка».

чему бы то ни было, подрывает основу самоидентификации, ломает всю концептуальную структуру.

С различием между описывающей и дескриптивной метафизики связано еще одно важное для аналитической философии различие «нашей» и «альтернативных» концептуальных схем. Исходя из результатов Стросона, можно сформулировать следующий критерий различия. Определяющей чертой «нашей» концептуальной схемы является предоставляемая ею возможность идентифицировать отдельные вещи путем их лоцирования внутри единого пространственно-временного каркаса. Схему, лишенную такой черты, следует считать «альтернативной». Схему, основанную на различении пространственно-временных положений, пусть даже по всем другим параметрам кардинально отличную от привычного нам оперирования понятиями, следует считать «нашей».

Нельзя не увидеть в этом способе демаркации схем аллюзию кантовского ассоциирования объективности опыта (знакомства с партикуляриями) и пространственности. Конечно, в отличие от Канта, Стросон не считает пространство формой «внешнего чувства»: материальные объекты должны быть пространственны *сами по себе*, раз они «жалуют» (confer) концептуальному каркасу собственные характеристики. В качестве приема, способствующего окончательному убеждению читателя в правдоподобности своей онтологической картины, Стросон прибегает к исправляющей метафизике, использует мысленный эксперимент, заключающийся в расстыковке свойств объективности и пространственности и элиминации последнего. Он моделирует альтернативную схему, мир без пространства, такой, в котором материальные тела не играли бы роль базовых партикулярий, но в то же время сохранялась бы возможность идентификации и реидентификации объективных (т.е. «отличаемых мыслящим от себя и от своего опыта или состояний сознания и рассматриваемых как действительные или возможные *объекты* этого опыта» [1. С. 61]) партикулярий. Если модель окажется интеллигибельной, это будет означать, что базовость материальных тел является не необходимым условием всякой осведомленности об объективных партикуляриях, а лишь достопримечательностью нашей схемы понятий.

Стросон предлагает сконструировать и исследовать Непространственный мир. Пусть это будет мир, воспринимаемый на слух, вселенная звуков, связанных друг с другом во времени, но не в пространстве. Как для такого мира решается задача публичного опознавания возникающих и исчезающих тонов? Ответ Стросона: никак, обитатели Непространственного мира не смогли бы поговорить друг с другом о звуках, так как «публичных» звуков там обнаружить нельзя [1. С. 68]. Но без публичного нет и приватного; и в итоге выходит, что в аудиальном мире не от чего оттолкнуться в создании системы мысли и знания о чем бы то ни было.

Однако мы можем умерить свои притязания и вообще не воображать лингвистического сообщества, населяющего Непространственный мир. Мы можем требовать не публичности партикулярий, а хотя бы существования не-солипсического сознания, способного просто отличать себя от не-себя. Как в таком случае проходила бы идентификация и реидентификация звуко-

вых партикулярий? Как устанавливалось бы различие между нумерическим и качественным тождеством?

С одной стороны, *отличать* звуковые партикулярии (одинаковые по громкости, тембру и высоте) друг от друга позволяет «критерий паузы» [1. С. 70]. Прерывистость звука свидетельствует о том, что перед нами несколько экземпляров одной и той же звуковой универсалии (ноты); непрерывность звучания говорит о единственности примера. Но с другой стороны, критерий паузы оказывается бесполезным при задаче *реидентифицировать* звуковую партикулярию. Идея реидентифицируемости отдельной вещи связана с идеей непрерывности ее существования в моменты, когда она не воспринимается (т.е. с *объективностью* этой вещи). Возможно ли в Непространственном мире различить случаи, когда одна партикулярия была услышана дважды и когда имела место последовательность из двух примеров звуковой универсалии, разделенных паузой? В нашем «родном» мире с проблемой реидентификации помогает справиться представление о пространственном измерении мира, превосходящем возможности отдельного восприятия. Объектам есть, где «квартировать», пока их не воспринимают; звуковая партикулярия, когда я временно перестала ее слышать, не переставала существовать, а была слышима где-то в другом *месте*. Но в Непространственном мире звуков невоспринимаемым партикуляриям во всех смыслах «негде» приютиться. Это означает, что мы не можем смоделировать процесс реидентификации для вселенной звуков, а следовательно, мы не можем утверждать возможность опыта объективного.

Но Стросон не останавливается на этом результате. Он решает модифицировать Непространственный мир, добавив к его структуре некий *аналог пространства*, исполненный в чисто аудиальных терминах. Из трех параметров обычной характеристики звуков (тембр, высота, громкость) Стросон выбирает высоту, поскольку она больше поддается четкой градуировке, чем, например, тембр (см. [1. С. 75]), а стало быть, больше подходит на роль универсального отношения, упорядочивающего все звуки. Именно высота становится единственной варьирующейся характеристикой вводимого Стросоном *мастер-саунда*, звука, проходящего фоном по всему Непространственному миру. Это звук всегда одинаковой громкости и тембра, слышимый постоянно, что отличает его от всех других звуков Непространственного мира. «Его можно сравнить с постоянным свистом разной высоты, что иногда сопровождает радиопрограммы, если мы их слушаем по неисправному приемнику» [1. С. 76]. Смена тонов мастер-саунда соответствует переключению частот радиовещания, только в Непространственном мире, конечно, никто не управляет мастер-саундом, его высота меняется самопроизвольно.

Теперь предположим, что мастер-саунд звучит на ноте *A* и одновременно мы слышим мелодию гимна «Боже, царя храни!». Затем мастер-саунд резко меняет высоту, и до нас вдруг доносится отрывок «Интернационала». После этого мастер-саунд возвращается к прежней высоте *A*, где снова играет (продолжает играть?) «Боже, царя храни!».

Сравним этот случай с другим похожим случаем. Мелодия «Боже, царя храни!» перестает быть слышимой, когда мастер-саунд меняет свою высоту с *A* на *B*. На высоте *B* мелодию сменяет «Интернационал». Затем мастер-

саунд вновь меняет тон, но звучит уже на ноте *B*, причем на этот раз он опять сопровождает «Боже, царя храни!».

Стросон посчитал бы, что в первом случае у нас достаточно оснований думать, что мы слышали дважды *одну и ту же* партикулярию, одну и ту же экземплификацию «Боже, царя храни!». Наше восприятие было прервано скачком высоты мастер-саунда и вторжением другой мелодии, но «Боже, царя храни!» не переставала существовать, она все это время «находилась» на высоте мастер-саунда *A*. Во втором примере мы имеем дело с *двумя* экземплификациями «Боже, царя храни!», одна из которых «размещена» на высоте мастер-саунда *A*, а другая – на высоте *B*.

Таким образом, мы имеем тройную аналогию идентификаций (тройную, поскольку если бы Стросон не снабдил нас сравнением мастер-саунда своего Непространственного мира с треском нашего вполне пространственного радиоприемника, нам вряд ли удалось бы понять, что он вообще пытается сказать).

Случается, что два оркестра одновременно исполняют одну и ту же пьесу. Установить факт нетождественности этих звуковых партикулярий можно через указание на отличие пространственных координат двух залов, где даются эти концерты. Так мы идентифицируем звуки с помощью нашей концептуальной схемы.

Случается, что две радиостанции одновременно передают одну и ту же мелодию. Установить данный факт нам позволяет поворот ручки настройки приемника. В данном примере обыкновенно пространственный адрес замечен указанием на разницу частот вещания.

Наконец, в третьей аналогии «не-солипсическое сознание» и звуковые партикулярии перемещаются по «просторам» Непространственного мира, равным диапазоном непрерывно звучащего мастер-саунда, который и позволяет их идентифицировать.

Изобретение Стросоном Непространственного мира вызвало определенную критику. Наиболее часто встречающееся возражение ставит под вопрос принимаемое Стросоном положение о «непространственности» нашей осведомленности о звуках [2. С. 33; 3. С. 169; 4. С. 362]. Многие готовы допустить, что слух является непространственным чувством, но выдвигают претензии касательно корректности аналогии. Подходит ли мастер-саунд на роль квази-пространства? М. Глуберман [4] уверен в отрицательном ответе. Он исходит из кантианской манеры вопрошания, перенимаемой Стросоном, и на основании кантовского понимания пространства выдвигает целый ряд отношений и свойств, в которых модель должна быть подобна этому оригиналу. Выясняется, что мастер-саунд не является аналогом пространства ни по одному из выдвинутых параметров. Мы добавим к замечаниям М. Глубермана собственные наблюдения.

Вспомним рассуждения Стросона о своеобразной взаимозависимости тел и занимаемых ими мест: «...реидентификация мест не является чем-то совершенно отличным, не зависящим от реидентификации вещей. Скорее можно говорить о сложном и замысловатом взаимодействии между ними, поскольку, с одной стороны, местоположения определяются лишь через отношения вещей, а с другой стороны, одним из требований тождественности материальной вещи является то, что ее существование, непрерывно длясь во

времени, должно также непрерывно длиться в пространстве» [1. С. 36–37]. Существует ли подобное «сложное и замысловатое взаимодействие» между тонами мастер-саунда и партикулярными звуками? Думается, в данном случае зависимость носит однонаправленный характер, мастер-саунд существует сам по себе, не конституируется размещенными в нем звуковыми партикуляриями. Из-за этой особенности, «неестественного» происхождения мастер-саунда, вся конструкция кажется надуманной.

Если был найден аналог пространства (мастер-саунд), можем ли мы обогатить стросоновскую модель, отыскать в ней аналоги базовых партикулярных? В свете попытки Стросона отказаться от предпочитаемой ранее коммуникативной модели «говорящий – адресат» и вместо этого говорить об одиноком и невнятном «не-солипсическом сознании» особенно интересно было бы узнать, откуда у этого сознания могло возникнуть представление о Себе (необходимое для объективности опыта). Поскольку, по Стросону, понятие о субъективном является вторичным по отношению к более фундаментальному понятию Личности как носителя одновременно материальных и ментальных характеристик, то в Непространственном мире – коли там обнаруживается опыт объективных партикулярных – должны быть и партикулярии, подобные Личностям. Населяют ли этот мир квази-личности? Если нет, модель Непространственного мира самопротиворечива: мы рассматриваем возможность объективного опыта в нем, исключая основное условие возможности такого опыта.

Как бы то ни было, если стросоновская конструкция неудачна, то ее можно рассматривать как аргумент в пользу уникальной интеллигентности нашей концептуальной схемы. А если конструкция имеет смысл, то ее посредством достигаются важные результаты. Проясняются *минимальные* требования к схеме, способной обслуживать опыт. Благодаря конструкции Непространственного мира мы получаем возможность посмотреть со стороны на собственное понятие пространства и увидеть его избыточность с точки зрения обеспечения реидентификации. Для построения каркаса реидентификации, безусловно, необходимо отношение, упорядочивающее все партикулярии. Но этому отношению необязательно быть столь разноплановым, как пространство. Отношение может быть и одномерным, фиксировать просто некий эквивалент расстояния, удаленности, а не все те нюансы пространственного взаимодействия объектов, которые позволяет отмечать привычный концепт пространства.

На примере конструкции Непространственного мира мы видим вариант возможного применения ревидирующей метафизики, которая, как говорит Стросон, состоит на службе у метафизики дескриптивной, помогая достижению философской цели «концептуального самопонимания».

Литература

1. Strawson P.F. Individuals. An Essay in Descriptive Metaphysics. London: Methuen & CO LTD, 1961. 255 p.
2. O'Neill O. Space and Objects // The Journal of Philosophy. 1976. Vol. 73, № 2. P. 29–45.
3. Van Cleve J. Touch, Sound, and the Things without the Mind // Metaphilosophy. 2006. Vol. 37, № 2. P. 162–182.
4. Glouberman M. Space and Analogy // Mind. 1975. Vol. 84, № 335. P. 355–373.